

«Фортунат» относится к числу наиболее популярных и самобытных народных книг. Есть основания полагать, что автором «Фортуната» был аугсбургский бюргер, может быть, местный хронист Буркхардт Цинк, проявлявший несомненный интерес к городской среде и занятиям горожан. Ему доставляет удовольствие называть все новые города и земли, по которым странствуют его герои, он не упускает случая упомянуть о купеческих сделках и полезных ремеслах. Ведь город Аугсбург в XV–XVI веках принадлежал к числу наиболее развитых в экономическом и культурном отношении городов Германии. Он поддерживал оживленные отношения со многими странами и городами как Запада, так и Востока. В связи с этим вполне понятны многочисленные восточные мотивы «Фортуната». Автор склонен к точным житейским зарисовкам, к верным бытовым деталям.

Герои средневековых рыцарских романов также постоянно странствовали. Только в погоне за рыцарскими подвигами они не останавливались на географических и этнографических деталях своих странствий. Легендарное царство короля Артура, по которому они передвигались, не имело реальных границ и точных временных признаков. И уж конечно среди дорожного скарба странствующего рыцаря мы не нашли бы записную книжку, дважды упоминаемую автором «Фортуната», в которую его любознательный герой аккуратно записывал «всех королей и герцогов», через земли которых он проезжал.

Интерес широких читательских кругов к земным реалиям, к многообразному земному миру был характерен именно для эпохи Возрождения. Особенно понятен он в книге, возникшей в вольном городе Аугсбурге, который в XV–XVI веках был одним из самых развитых торгово-промышленных и культурных центров Германии.

Не без осуждения относится автор «Фортуната» к феодальной знати, способной ради своих эгоистических интересов обидеть и даже загубить незнатного человека (лесной граф, принцесса Агриппина, графы Теодор Английский и граф Лимози с Кипра).

При всем своем сказочном обрамлении «Фортунат» довольно точно воссоздает очертания вполне реального мира – мира стяжательства, погони за богатством, всего того, что сопутствовало быстрому подъему немецких городов XV–XVI веков. В круговорот сребролюбия вовлечены бюргеры и дворяне, клирики и короли. Даже любовь, столь превозносимая в рыцарской литературе как высокое, неземное чувство, сопрягается в книге о Фортунате с меркантильным расчетом.

Отношение к богатству, к золоту не было в романе однолинейным. Золото способно украсить жизнь, оно отправляет купцов в далекие плавания, расширяет границы известного мира. Но оно же способно пробудить в человеке темные инстинкты, сделать его грабителем и убийцей. Выразительны вплетенные в роман кровавые «уголовные новеллы»: например, «как злодей Андреан убил дворянина, бросил его тело в выгребную яму и бежал прочь». За это убийство расплачиваются жизнью многие невинные люди. Фортунат попадает в руки алчного и жестокого графа, который подвергает его мучительным пыткам. Корысть доводит до гибели хозяина гостиницы, грабившего постояльцев. Корысть толкает принцессу Агриппину на бесчестные поступки. Слепленные корыстью, граф Теодор и граф фон Лимози отнимают жизнь у Андология, изобретательного сына Фортуната, и в конце концов сами попадают на плаху. Не раз Фортунат сетует по поводу своего рокового выбора.

По своему составу книга о Фортунате многообразна и многоцветна, сказочные эпизоды переплетаются в ней с точными реальными описаниями; рыцарские турниры и пиршества уступают место мрачным преступлениям, совершенным из алчности. Книга не только увлекала читателя, но и содержала обличительные и нравоучительные тенденции, благодаря чему имела большой успех у широких читательских слоев и выдержала в XVI веке восемнадцать изданий. В начале XIX века ее заново открыли для себя немецкие романтики (Л. Тик, В. Гауф, А. Шамиссо, Л. Уланд), использовавшие ее в своем собственном творчестве.

Широкую известность приобрели также народные книги шуточного или шуточно-обличительного содержания, близкие к площадным шванкам, вобравшим в себя черты карнавального озорства. Их возглавляла книга об изобретательном подмастерье Тиле Уленшпигеле (или, в немецком варианте, Эйленшпигеле) (Страсбург, 1515), всегда готовом сделать какую-нибудь неприятность скупому и бессердечному хозяину, выжимающему трудовой пот из беззащитного труженика, Об этих книгах Фридрих Энгельс писал с большой похвалой: «У многих народов можно встретить такую коллекцию. Это остроумие, эта естественность замысла и исполнения, добродушный юмор, всегда сопровождающий едкую насмешку, чтобы она не стала